

Алмасбеков Ч.А., Сманалиев К.М.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН КЫЛМЫШ-ЖАЗА ӨНДҮРҮШҮНҮН АТАЙЫН ТЕРГӨӨ АРАКЕТТЕРИНИН ТҮШҮНҮГҮ

Алмасбеков Ч.А., Сманалиев К.М.

ПОНЯТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ch.A. Almasbekov, K.M. Smanaliev

THE CONCEPT OF SPECIAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

УДК: 343.14

Бул илимий макаланын актуалдуулугу азыркы учурда Кыргызстандагы адам укугун коргоо жаатындагы мамлекеттик саясаттын негизги маселеси жазык мыйзамдарына тиешелүү соттук-укуктук реформаларды туп-тамырынан ишке ашыруу жагдайлары менен шартталат, анткени айыптоо органдарында да жана соттордо укук колдонуу практикасы көрсөткөндөй Кыргыз Республикасынын 1999-жылдын жазык-процесстик кодекси жеткилең иштелбегендиктен жана колдонууга ылайыксыз болгондуктан, адам укугун бузуу учурларынын көп катталып жатканын байкоого болот жана мамлекетке “атайын тергөө аракеттери” институту имплементацияланган жазык-процесстик мыйзамынын жаңы эффективдүү жол-жобосу зарыл, мыйзам чыгаруучу тарабынан көрсөтүлгөн терминологияны кыскача түшүндүрүүнү туура жана максатка ылайык аныктоо да ушул макаланын максаты болуп эсептелет. Тактап айтканда, автор тарабынан “атайын тергөө аракеттери” термин түшүнүгүн тыкыр талдоодон өткөрүлдү, ошондой эле, бул институттун укуктук регламент маселеси азыркы учурдагы Кыргызстандын жазык сот өндүрүшүнөгу принципалдуу жаңы категориясы да иликтенип, аныктаманын өзүндө артыкчылыктын болушу же жоктугу, ата мекендик укук таануучу окумуштуулар жана чет өлкөлүк алдыңкы адистердин көңүлүн бурдурган тиешелүү шарттардагы анын артыкчылыгы айтылды, автор тарабынан “атайын тергөө аракеттери” түшүнүгүн мыйзам чыгаруучу тарабынан интерпретациялоонун тууралыгын бул институтту аныктоону салыштырып, алардын “атайын тергөө аракеттери” терминологиясы өз алдынча түшүндүрүлдү, бул норманын мазмунун ар түрдүүлүгү ачылып берилди.

Негизги сөздөр: Жазык-процесстик кодекси, тергөө аракеттери, соттук-укуктук реформа, жазык мыйзамдары, жазыктык сот өндүрүшү, техникалык каражаттар, куня негиз.

Актуальность данной научной статьи, обусловлена тем обстоятельством, что, основополагающей задачей политики государства в области защиты прав человека в современном Кыргызстане явилось осуществление кардинальной судебно-правовой реформы касательно уголовного законодательства, поскольку как показала правоприменительная практика как органов обвинения так и судов, ввиду

недоработанности и непрактичности применения уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики 1999 года, возникновение случаев нарушения прав человека приобрело весьма учащенный характер, и поэтому государству был необходим новый эффективный механизм уголовно-процессуального закона, в который и был имплементирован институт «специальные следственные действия», определение правильности и целесообразности применения изложения законодателем указанной терминологии которой и является целью настоящей статьи, в которой автором проведен тщательный анализ понятия термина «специальные следственные действия», между тем, детально рассмотрен вопрос правовой регламентации данного института как принципиально новой категории уголовного судопроизводства современного Кыргызстана, наличие или отсутствие преимуществ в самом определении, его преимуществам а также приемлемости с позиции обусловленности в соответствующих условиях с учетом принятия во внимание позиции как отечественных ученых правоведов так и зарубежных ведущих специалистов, с предложением и представлением своей точки зрения изложенной автором в части правильности применения законодателем именно интерпретации понятия «специальные следственные действия» в сравнении с определениями данного института в уголовном-процессуальном законе зарубежных стран, их своеобразному толкованию терминологии «специальные следственные действия», ввиду наличия разнообразия в сути содержания данной нормы.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс, следственные действия, судебно-правовая реформа, уголовное законодательство, уголовное судопроизводство, технические средства, конфиденциальная основа.

The significance of this academic paper is due to the fact that the fundamental task of the state policy in the field of human rights protection in modern Kyrgyzstan was the implementation of a pivotal judicial and legal reform regarding criminal legislation, since, as the law enforcement practice showed both the prosecution bodies and the courts, Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of 1999, the occurrence of cases of human rights violations acquired It was very frequent, and therefore the state needed a new effective mechanism of criminally-remedial law, into which the institution of “special investigative actions” was implemented, the determination of the correctness

and expediency of the legislator's application of the specified terminology which is the purpose of this article, in which the author conducted a thorough analysis of the term "special investigative actions", meanwhile, the issue of the legal regulation of this institution as a fundamentally new category of criminal justice process in modern Kyrgyzstan, the presence or absence of advantages in the definition itself, its advantages as well as acceptability from the position of conditionality in the relevant conditions, taking into account the position of both domestic legislator scholars and foreign leading experts, with the proposal and presentation of their point of view set forth by the author in terms of the correctness of the legislator's application of the interpretation of the concept of "special investigative actions" in comparison with the definitions of this institution in the criminal procedure law of foreign countries, their unique interpretation of the terminology "special investigative actions", due to the presence of diversity in the essence of the content of this norm.

Key words: *Criminal procedure code, investigative actions, judicial and legal reform, criminal legislation, criminal proceedings, technical means, confidential basis.*

Введенный в действие с 1 января 2019 года, Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, направлен на обеспечение максимальной защиты прав человека, являющейся приоритетной целью системы правосудия в целом [1].

Уголовно-процессуальный кодекс 1999 года, содержал в себе элементы бюрократизма, низкий уровень эффективности судебных и досудебных процедур, а также элемент явного обвинительного уклона и др.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс, был приведен в соответствие со всеми нормами Конституции 2010 года, непосредственно в части относящейся к уголовному судопроизводству. Данные обстоятельства позволяли исключить некогда существовавший элемент наличия репрессивного характера во многих нормах, что в дальнейшем, несомненно позволит обеспечить соблюдение главной ценности человека – его прав и свобод.

Уголовно-процессуальный кодекс 2017 года, содержит в себе большое количество нововведенных институтов, одним из которых являются специальные следственные действия, которые по сути своей являлись оперативно-розыскными действиями, которые реализовывались соответствующими органами двумя способами, гласно или негласно, и всё это в целях проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Между тем, суть уже действующего новшества, его упор сконцентрирован на таких задачах как: защита личности, общества и государства в целом от проступков и преступлений, от незаконного

и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод и т.д., при этом, разрешается давняя проблема Советского уголовного процесса, это вопросы реализации трудов оперативно-розыскных мероприятий при установлении истины по уголовным делам.

В настоящее время, согласно уголовно-процессуальному кодексу Кыргызской Республики 2017 года, следственные действия необходимо классифицировать на «гласные» или «негласные».

Последние это и есть специальные следственные действия, отличающихся от гласных характерной особенностью, поскольку они проводятся лишь в случаях, когда следственным действием, сбор доказательств невозможен, или речь идет о тяжком или особо тяжком преступлении, и поэтому, принимая во внимание самостоятельное своеобразие данного института, мы, детализированно в данной статье рассматриваем понятие специальных следственных действий.

Так, законодатель предусмотрел, что в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Кыргызской Республики, под специальными следственными действиями, признается деятельность, осуществляемая без какого-либо осведомления субъектов, чьи интересы затрагиваются, направленные на установление обстоятельств получения информации подлежащих доказыванию в судопроизводстве, между тем, здесь же следует отметить, что в то же время, следственным действием установить все это в абсолютной мере не представляется возможным (ст.5 УПКР) [1].

При этом А.Кулбаев считает, что специальные следственные действия – то негласные следственные действия, которые производятся в случаях отсутствия возможности сбора доказательств при производстве следственных действий, с использованием методов оперативно-розыскной деятельности, содержащих длящийся характер [2].

В то же время, если обратить внимание на уголовно-процессуальные кодексы стран СНГ и Европы, принимая во внимание разнообразность их систем следственных действий, то мы можем наблюдать следующее.

В Республике Казахстан, под данным институтом понимается негласное действие в рамках досудебного производства. (п.12 ст.7 УПК РК) [3].

На Украине, указанные действия также негласны, а сведения о способах их производства не подлежат огласке, за исключением случаев прямо указанных в кодексе [4].

Вместе с тем, в Грузии, данный институт, изложен как «Тайные следственные действия», по которым, создается конспиративная организация и

внедрение оперативного сотрудника в преступную среду и т.д. [5].

В случае с опытом Европейских стран, то к примеру, Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия, содержит в себе такие действия как «Использование негласных дознавателей», «Меры, принимаемые без ведома лица, чьих интересов они касаются», а также «Иные меры, принимаемые без ведома лица, которых они затрагивают», что по сути своей, является своеобразным изложением исследуемого института [6].

Ввиду вышеуказанного, считаем необходимым сделать заключение о том, что законодательная власть, при внедрении УПК, анализируя процессуальный закон зарубежных стран, а также стран ближнего зарубежья, разделяя мнения ученых, остановился именно на терминологии «специальные следственные действия», однако несмотря на это, стоит отметить, что по нашему мнению, указанная терминология подлежит детальному рассмотрению и дальнейшему разъяснению, поскольку если обратить внимание на «Викисловарь», мы столкнемся со следующим толкованием: «специальный – особый, предназначенный для какого-либо особого применения» [7], между тем, следует отметить, что термины «тайные» и «негласные» ранее были внедрены при регламентации института специальных следственных действий другими странами.

Указанный институт уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, во многом схож с УПК Латвии, где оперативно-розыскная деятельность, проводится в рамках следственных действий, обозначенных как «Специальные следственные действия» [8].

Необходимо осознать, что в указанных странах, данный институт служит легализацией использования негласных мероприятий и информации, и создания на этой основе новых форм следственных действий.

Между тем, в Россия и Беларусь, не спешит преобразовать УПК, в части негласных следственных действий как способа сбора доказательственной базы, ввиду отсутствия общего мнения о допуске результатов ОРМ в уголовный процесс, однако проблематичность исследования также вызывает интерес, ввиду множества позиций.

К примеру А.М.Баранов считает, что для исключения споров об использовании результатов ОРД в доказывании необходимо включить негласные способы сбора доказательств в Уголовно-процессуальный кодекс и задать им статус процессуальных действий [9].

А.Е.Шарихин, считает, необходимым на законодательном уровне, раскрыть содержание отдельных ОРМ в УПК РФ, что позволит рассматривать эту деятельность как элемент предварительного расследования в скрытой форме, в результате чего, полученные сведения, будут относиться к тайне следствия [10].

Как и многие ученые России, А.П. Попов полагает, что апгрэйд юридической науки сформирует предпосылки для формирования новых законных и обоснованных процессуальных форм [11].

М.В. Галезник, А.Е. Гучок и А.Н.Тукало, рассматривали данную проблему в Белоруссии, однако проблемам использования результатов ОРД в доказывании, тем более об использовании ОРМ как негласных следственных действий уделяется немного внимания, а лишь констатируется наличие, без конкретных предложений.

Так, российские ученые-правоведы полагают, что термин «специальные» не вполне удачен, отдавая предпочтение термину «комплексные», так как по их позиции, следственные действия по сути делятся на однородные и комплексные, их общность в единстве их природы и отсутствии элементов других следственных действий, во втором случае, соединены несколько элементов (194 УПК РФ) [12].

В Законе КР «Об оперативно-розыскной деятельности», ОРМ делятся на гласные и негласные, и при этом негласные – это ОРМ, касающиеся охраняемых законом неприкосновенности частной жизни и т.д. [13].

В свою очередь, негласные оперативно-розыскные мероприятия включают в себя семнадцать действий указанных в ст.7 вышеназванного закона.

По УПК Кыргызской Республики, исследуемые действия, проводятся по тяжким или особо тяжким преступлениям, а по менее тяжким, лишь в случаях, предусмотренных ч.3 ст.23 уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

В ст.212 УПК Кыргызской Республики, определены следующие виды специальных следственных действий:

- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка;
- прослушивание переговоров;
- получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами;
- снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств;
- аудио, видеоконтроль лица или места;
- наблюдение за лицом или местом;
- проникновение и обследование нежилого помещения или иного владения лица;

- получение образцов для сравнительного исследования в целях производства экспертизы;
- внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности;
- контролируемая поставка;
- контрольный закуп [1].

Важно отметить, что некоторые из числа вышеуказанных специальных действий, несмотря на их негласный характер, в уголовно-процессуальном кодексе 1999 года, являлись следственными действиями (ст.187-188).

В результате мы можем видеть следующее, что именно негласные оперативно-розыскные мероприятия и выступают специальными следственными действиями, поэтому в части определения специальных следственных действий, с нашей позиции, термин «специальные» - содержит в себе ту же суть что тайные, негласные или как в уголовно-процессуальном кодексе Федеративной Республики Германия, меры применяемые без ведома лица, которого затрагивают эти действия.

Таким образом, принимая во внимание фактические обстоятельства окружающие новый Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, в части рассматриваемого института несмотря на то, что специальные следственные действия, являясь новой категорией уголовно-процессуального закона, будучи законодательно детализированными и конкретизированными позволят повысить эффективность в получении важных сведений о субъектах и событии преступления, а также иных подлежащих установлению обстоятельствах, преследуя и облегчая решение задач для которых и были созданы эти действия, по нашему мнению, даже сам факт дачи определения термином «специальные» было не совсем удачным и подходящим для уголовного процесса, поскольку оно не коим образом не вписывается в суть содержания указанных действий, в данном случае, законодателю следовало бы определить эти действия как «особые» или «комплексные», что по крайней мере индивидуализировало бы подход законодателя к разработке и принятию проекта кодекса в соответствующей его части, а не дублировало бы Уголовно-процессуальный кодекс Республики Латвия.

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу и предложению о том, что лучшим выходом

для законодателя при разработке, являлось бы более глубокое изучение института специальных следственных действий, с привлечением не только представителей служб, комитетов, ведомств, министерств и судейского корпуса, но и как отечественных, так и ученых-правоведов стран СНГ и Европы, а также представителей адвокатского корпуса, что позволило бы в полной, исключительной мере как минимум аргументировать специальные следственные действия в ином более тщательном формате, но и детально учесть всю специфику, опыт и практику как в части рассматриваемого института, так и уголовного судопроизводства других стран в целом.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики 2017 г.
2. Лекции по основным новеллам уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Кыргызской Республики (видеокурс) [Электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=tau0zaIbcCA>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2015 г.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Украины 2012 г.
5. Путеводитель по новому Уголовно-процессуальному кодексу Грузии сост. Заза Меишвили. - Тбилиси 2010г.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. - <https://publi.shup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>
7. [Электронный ресурс] <https://ru.wiktionary.org/wiki>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс] Рига, 2005г. Режим доступа: www.ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovno-processualnyj.
9. Баранов А.М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. - 2004. - №4.
10. Шарихин А.Е. Оперативно-розыскная деятельность в обеспечении экономической безопасности России: Проблемы и перспективы. - Москва, 2006.
11. Попов А.П. Проблемы интеграции розыскных начал в стадии предварительного расследования // Уголовный процесс РФ Проблемные лекции. / Учебное пособие. - Москва, 2014. - 412с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г.
13. Закон Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» от 16 октября 1998 года за №131.